

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ: ТЕНДЕНЦИИ КАССАЦИОННОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

Пять лет функционирования суда присяжных по УПК РФ позволяют сделать вывод, что негативные прогнозы противников этой формы рассмотрения уголовных дел не оправдались. Судебная статистика свидетельствует, что количество дел, рассматриваемых в этой форме судопроизводства, не только не снижается, но даже увеличивается из года в год.

Так, за I полугодие 2005 года судами с участием присяжных заседателей рассмотрено 279 уголовных дел, что составило 11,2% от общего числа окончанных производством уголовных дел судами областного звена.

За I полугодие 2006 года судами с участием присяжных заседателей рассмотрено 333 уголовных дела, что составило 13,1% от общего числа окончанных производством уголовных дел судами областного звена.

Ни в одном регионе РФ так и не выявились эффекты массовой неявки в суды кандидатов в присяжные заседатели и срыва большинства судебных заседаний, вследствие отказа присяжных заседателей от исполнения своих обязанностей по участию в рассмотрении дела.

Не произошло и тотальной отмены Верховным Судом РФ приговоров, вынесенных на основании вердикта присяжных заседателей. Анализ судебной практики объективно свидетельствует, что причиной отмены приговоров, вынесенных судами присяжных, являются не действия самих присяжных заседателей, а прежде всего нарушения УПК РФ профессиональными участниками судебного разбирательства — судьями, прокурорами и защитниками.

Представляется, что эти нарушения обусловлены не только недостаточным знанием закона или намеренным стремлением не выполнить его предписания, но и нечеткостью процессуального регулирования, такими диспозициями процессуальных норм, которые допускают широкое толкование правоприменителем.

В этой ситуации чрезвычайно большое значение приобретают разъяснения норм уголовно-процессуального закона Верховным Судом РФ, изложенные в кассационных определениях по конкретным делам.

Изучение кассационных определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ позволяет выявить некоторые тенденции кассационной практики по отдельным вопросам судебного разбирательства с участием присяжных заседателей.

Расширение допустимых пределов исследования данных о личности подсудимого с участием присяжных заседателей

Анализ кассационной практики Верховного Суда РФ по делам рассмотренных судами присяжных позволяет сделать вывод о тенденции к некоторому расширению на практике допустимых (предусмотренных законом) пределов исследования данных о личности подсудимого с участием присяжных заседателей.

Так, по мнению Верховного Суда РФ, не являются нарушением ч. 8 ст. 335 УПК РФ случаи исследования с участием присяжных заключений судебно-психиатрических экспертиз (содержащих немало сведений о личности подсудимого). По делу С. Верховный Суд отметил: «Оглашенные государственным обвинителем данные содержали только оценку экспертами психолого-психиатрического состояния С. в момент совершения им инкриминируемого деяния и не относились к данным, способным вызвать у присяжных заседателей предубеждения в отношении подсудимого».

Несмотря на категорический запрет закона исследовать с участием присяжных заседателей данные о предыдущих судимостях подсудимого, Верховный Суд РФ допускает возможность такого исследования, если эти данные позволяют установить отдельные признаки состава преступления, вменяемого подсудимому.

По делу С. в кассационном определении подчеркивалось: «Судебная коллегия считает, что, учитывая конкретные обстоятельства данного уголовного дела, председательствующий обоснованно разрешил стороне обвинения исследовать в присутствии присяжных заседателей факт прежней судимости Ч. и обстоятельства, связанные с отысканием наркотических средств в его кладовой ком-

нате. Эти обстоятельства напрямую связаны с мотивом убийства потерпевшей С. Мотив убийства — фактические обстоятельства, которые находятся на разрешении в компетенции присяжных заседателей, о чем указано в ч. 1 ст. 334 УПК РФ».

Обращает на себя внимание один из критериев приемлемости исследования с участием присяжных заседателей данных о личности подсудимого, выработанных Верховным Судом РФ, — отсутствие возражений сторон. Так, по делу П. прокурор, настаивая на отмене приговора, отмечал в кассационном представлении, что «в присутствии присяжных заседателей по ходатайству стороны защиты были оглашены справка об обращении П. в психиатрическую больницу и установлении у нее диагноза «продолжительная депрессивная реакция», справка о неоднократном вызове к ней врача скорой помощи». Верховный Суд РФ, оставляя приговор без изменения, отметил: «Участники процесса, в том числе потерпевшие и государственный обвинитель, не возражали против ходатайства об оглашении этой справки, а после ее оглашения ни у кого из них вопросов не возникло. Затем адвокат заявила ходатайство об оглашении второй справки — из психиатрической больницы, куда обращалась Прыткова 14 марта 2003 г. Потерпевшие не препятствовали оглашению справки, а государственный обвинитель не возражал против оглашения даты обращения Прытковой в больницу. Само по себе оглашение медицинских справок на Прыткову Т. при указанных обстоятельствах нельзя признать исследованием данных о личности подсудимой».

Продолжает проявляться в кассационной практике подход Верховного Суда РФ, состоящий в абсолютизации значения обращения председательствующего к присяжным заседателям. Сущность этого подхода сводится к тому, что своим своевременным обращением к присяжным заседателям с разъяснением председательствующий способен устранить практически любое нарушение уголовно-процессуального закона, допущенное в судебном разбирательстве. Косвенно, такой подход также приводит к расширению допустимых пределов исследования данных о личности подсудимого с участием присяжных заседателей.

Иллюстрацией таких последствий может послужить определение Верховного Суда РФ по делу Н., Ж. и Г., где отмечалось следующее:

«Как видно из протокола судебного заседания, председательствующий устранял от исследования такие данные о личности, которые не подлежали исследованию в присутствии присяжных. Так, когда подсудимый Женеvский пытался обсуждать сведения о судимости соучастников преступления, председательствующий судья разъяснил недопустимость этого, обратил внимание присяжных на то, что они не должны учитывать указанные доводы подсудимого».

**Распространение запрета исследования данных о личности
подсудимого с участием присяжных заседателей (ч. 8 ст. 335 УПК РФ)
на свидетелей и потерпевших**

В части 8 статьи 335 УПК РФ содержится запрет исследования с участием присяжных заседателей лишь тех данных, которые касаются исключительно подсудимого. Причина этого запрета обусловлена тем, что эти данные (о судимости, употреблении наркотиков и т.д.) «...могут вызвать возникновение несправедливого предубеждения у «судей факта» в отношении подсудимого и повлечь вынесение несправедливого вердикта». Однако в УПК РФ отсутствуют нормы, запрещающие исследовать обстоятельства, способные вызвать «предубеждение» (недоверие, несогласие с показаниями и т.п.) присяжных заседателей в отношении потерпевших, свидетелей, экспертов и иных участников уголовного судопроизводства. И это — не пробел уголовно-процессуального закона! Если бы такой запрет присутствовал в законе, стороны лишились бы возможности оспаривать в присутствии присяжных заседателей достоверность показаний свидетелей, потерпевших, экспертов, поскольку нередко именно данные о личности этих участников судопроизводства оказывают существенное влияние на оценку достоверности сообщаемых ими сведений.

Исследование кассационной практики свидетельствует о том, что Верховный Суд РФ «восполнил» отсутствующий в УПК РФ «пробел» аналогией закона — распространением положений ч. 8 ст. 335 УПК РФ на свидетелей и потерпевших.

По делу Ж. одним из оснований отмены Верховным Судом РФ оправдательного приговора явилось то, что «... в присутствии присяжных заседателей подсудимый и его защитники неоднократно

допускали оглашение сведений о личности потерпевшей Г. В частности о том, что ранее она была осуждена, употребляла наркотики, работала в сфере оказания интимных услуг, чем незаконно воздействовали на присяжных заседателей. Эти обстоятельства могли и способствовали формированию у них негативного отношения к показаниям потерпевшей».

Отменяя оправдательный приговор по делу А., Верховный Суд РФ указал: «В нарушение закона в ходе допроса свидетеля Аскольской стороной защиты выяснялись данные о личности свидетеля Меркушевой. Но несмотря на это, председательствующий, как видно из протокола судебного заседания, замечание стороне защиты не сделал».

В определении по делу В. и Г. Верховный Суд РФ отметил, что «...в ходе судебного следствия при допросе свидетеля Самойленко подсудимый В. неоднократно заявлял о том, что данный свидетель — наркоман. Указанные... нарушения уголовно-процессуального закона повлияли на ответы присяжных заседателей при оправдании В.».

Нередко Верховный Суд РФ аргументирует свой подход опасностью нарушения ч. 1 ст. 252 УПК РФ в случае исследования негативных данных о личности потерпевших и свидетелей: «Председательствующий обоснованно запретил стороне защиты исследовать в присутствии присяжных заседателей данные, характеризующие личность потерпевших. Данные действия председательствующего основаны на законе. Подсудимые и защитники пытались довести до присяжных заседателей информацию о том, что якобы потерпевшие совершали насильственные действия в отношении 12—15-летних мальчиков. Эти обстоятельства не являются предметом судебного следствия по данному уголовному делу. Председательствующий действовал в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 252 УПК РФ, согласно которым судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению».

Аналогичную аргументацию Верховный Суд РФ использует и в случаях, когда сторона защиты выясняет возможность причастности свидетеля (потерпевшего) к преступлению, вменяемому подсудимому. В определении по делу С. Верховный Суд РФ отметил: «Как видно из протокола судебного заседания, адвокат С. выяснял

вопросы о причастности к совершению преступления свидетеля П., не относящиеся к предъявленному Титову обвинению... адвокат С. обратил внимание присяжных заседателей на заинтересованность в деле свидетеля П. и допустил высказывания о том, что из убийцы и обвиняемого П. «тихо превратился в хорошего свидетеля»...Учитывая, что наличие таких существенных нарушений уголовно-процессуального закона могло повлиять на правильность принятого присяжными заседателями решения, приговор отменен с направлением дела на новое судебное разбирательство».

Анализируя эту практику, можно сделать вывод, что Верховный Суд РФ не различает ситуации, когда данные о личности свидетелей (потерпевших) имеют отношение к делу (например, когда это связано с оценкой присяжными достоверности их показаний) и случаи, когда такие данные никакого отношения к делу не имеют. Представляется, что в первом случае стороны имеют право подвергать личность свидетеля и потерпевшего изучению в присутствии присяжных заседателей, поскольку, как уже отмечалось выше, уголовно-процессуальный закон не содержит никаких запретов на этот счет.

Не содержит, на наш взгляд, такого запрета и ч. 1 ст. 252 УПК РФ, поскольку закон не запрещает ни подсудимому, ни защитнику заявлять в судебном заседании о совершении преступления, вменяемого подсудимому, другими лицами. Такие утверждения и исследование этого факта нельзя приравнивать к рассмотрению дела в отношении «иных лиц», хотя бы потому, что перед присяжными заседателями не ставятся вопросы о причастности «иных лиц» к совершению преступления, не разрешается этот вопрос и в приговоре суда.

Кроме того, представляются весьма сомнительными категоричные выводы Верховного Суда РФ о том, что исследование таких данных повлияло на вердикт присяжных в каждом конкретном случае. На наш взгляд, такой категоричный вывод можно делать лишь в том случае, когда достоверно известно (доказано), что именно эти сведения оказали влияние на присяжных. Во всех остальных случаях можно лишь предполагать, что эти данные могли повлиять на содержание вердикта присяжных заседателей, что не

является основанием к отмене приговора (ч. 2 ст. 385 УПК РФ).

Подмена предусмотренного законом понятия «повлияли» на вердикт присяжных (ч. 2 ст. 385 УПК РФ), термином «могли повлиять» приводит к произвольности усмотрения судов кассационной инстанции, нарушает единообразие судебной практики.

Так, обжалуя приговор суда присяжных по делу К., прокурор отметила в кассационном представлении, что «...преследуя цель опорочить свидетеля Кудрявцева, Кочетов задал ему вопрос о наличии у него судимости, и это повлияло на вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора...». Отвергая доводы кассационного представления, Верховный Суд РФ указал, что «...сообщение Кочетова о том, что он отчим Спиридонова, и его вопрос к свидетелю Кудрявцеву, есть ли у того судимость, также не отразились на содержании вердикта...».

Допустимость отказа от исследования с участием присяжных заседателей доказательств, «сложных» для восприятия присяжных

В кассационной практике Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ выявилась еще одна интересная тенденция, связанная с приемлемостью отказа от исследования с участием присяжных заседателей доказательств, содержание которых сложно для восприятия присяжными заседателями.

В определении по делу Б. Верховный Суд РФ оценил как правомерные действия председательствующего, отказавшего стороне защиты в оглашении присяжным заседателям исследовательской части заключения судебно-медицинской экспертизы, поскольку «... принимая решение об оглашении в присутствии присяжных заседателей резолютивной части заключения судебно-медицинской экспертизы, председательствующий судья сослался на наличие в описательно-мотивировочной части заключения многочисленной специальной профессиональной терминологии, способной ввести в заблуждение коллегию присяжных заседателей, что имеет место в действительности».

Представляется, что такой подход Верховного Суда РФ не основан на законе, который предусматривает специальное процессу-

альное действие — допрос эксперта — как раз для того, чтобы устранить все неясности в экспертном заключении. В УПК РФ отсутствует какая-либо норма, запрещающая исследовать с участием присяжных заседателей доказательства, «сложные» для их восприятия. Разъяснение этих доказательств является задачей, как сторон, так и председательствующего.

На основании всего вышеизложенного вряд ли можно оценить эту тенденцию судебной практики как положительную.

Позиции Верховного Суда РФ по напутственному слову председательствующего судьи

Большинство разъяснений Верховного Суда РФ в кассационных определениях по поводу содержания напутственного слова председательствующего направлены на повышение познавательной доступности судебного разбирательства для присяжных заседателей.

Так, на практике появился подход к изложению содержания доказательств обвинения и защиты в напутственном слове председательствующего, который состоял в апеллировании к памяти присяжных, без «подсказки» им содержания доказательства:

Однако Верховный Суд РФ достаточно оперативно пресек эту практику, проводя четкое различие между напоминанием доказательств и простым их перечислением в напутственном слове:

«...В кассационных жалобах обоснованно указано и на нарушение председательствующим судьей требований ст. 340 УПК РФ, так как вопреки данному Закону при произнесении напутственного слова перед удалением коллегии присяжных заседателей в совещательную комнату для вынесения вердикта судья не напомнил им об исследованных в суде доказательствах в том их понимании и значении по делу, которые даны, в частности, в ст.ст. 74, 76, 78, 79, 80 УПК РФ.

Вместо этого председательствующий судья в напутственном слове ограничился лишь перечислением рассмотренных в суде доказательств.

Так, председательствующий в напутственном слове указал: «Были допрошены потерпевшие и свидетели: Панова, Махова, Позднякова, Чистяков, Колдин, Городищан, Слесарев. Показания свидетелей я не буду приводить. Вы должны их помнить».

С учетом изложенного постановленный приговор подлежит отмене с направлением дела на новое рассмотрение...».

Верховный Суд РФ считает, что в любом случае должны быть напомнены особенно важные доказательства обвинения или защиты:

«В напутственном слове председательствующий судья не напомнил присяжным заседателям о показаниях свидетеля Тимченко о бельевой веревке, которой согласно обвинению был задушен Казанцев, а когда государственный обвинитель заявил возражения по этому поводу, председательствующий отклонил их и не дал присяжным заседателям разъяснения о необходимости вынесения вердикта с учетом показаний Тимченко наряду с другими доказательствами».

Вместе с тем, имеются достаточно спорные разъяснения Верховного Суда РФ.

Анализ ряда напутственных слов свидетельствует, что помимо изложения доказательств защиты и обвинения судьи нередко указывают присяжным на противоречия в этих доказательствах, призывая разрешить их в ходе вынесения вердикта:

«Вам также были представлены показания Аленкиной, данные в ходе предыдущего судебного разбирательства, из которых следует, что она видела, что Сильченко и Воронков избивали Щербинина и не видела, каким образом он попал на балкон, а затем оказался на земле. В то же время, Аленкина объяснила вам причину, по которой она была вынуждена дать такие показания, пояснив, что опасалась реализации неоднократно высказанных ей угроз».

Верховный Суд РФ не признает такие действия председательствующего нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора по делу:

«Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационного представления, Судебная коллегия находит его не подлежащим удовлетворению... То обстоятельство, что председательствующий в напутственном слове обратил внимание присяжных заседателей на противоречивость показаний подсудимого, потерпевшего и свидетелей, свидетельствует о разъяснении им в соответствии с нормами закона правил оценки доказательств и не означает, что

им дана оценка доказательствам. Не является основанием для отмены приговора и то, что в напутственном слове председательствующим была допущена ссылка на другого участника преступления, поскольку из ответов присяжных заседателей видно, что они признали доказанным, что ножевые ранения потерпевшим Кошкину и Ульянову причинил Спиридонов, а не иное лицо, но признали его невиновным».

Такая практика представляется нарушающей положения п.3 ч. 3 ст. 340 УПК РФ. Суждения председательствующего о наличии противоречий между исследованными в судебном заседании доказательствами, во-первых, являются выводами, которые указанная норма закона запрещает делать в напутственном слове. Во-вторых, такое суждение является оценочным, поскольку представляет собой результат сопоставления содержания ряда доказательств. Наличие оценки доказательств в напутственном слове председательствующего свидетельствует о нарушении судьей принципов объективности и беспристрастности, на что указывает Верховный Суд РФ в п. 34 Постановления Пленума от 22 ноября 2005 г. № 23 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей».

При этом Верховный Суд РФ отвергает возможность для судьи корректировки выступлений сторон в напутственном слове. В подтверждение этого можно привести следующий пример:

«Государственный обвинитель, выступая в прениях и опровергая версию подсудимого о необходимой обороне, указал на тот факт, что наличие крови потерпевших на различных частях машины, около которой произошла драка и убийство, однозначно свидетельствует о том, что подсудимый преследовал потерпевших. Судья посчитал невозможным прерывать речь государственного обвинителя. Однако в своем напутственном слове присяжным заседателям он обратил их внимание на неточность, допущенную прокурором при анализе значения фактических данных о наличии крови потерпевших на машине. С целью устранения влияния на решение присяжных заседателей указанной неточности судья пояснил, что наличие крови потерпевших на различных частях машины не может однозначно свидетельствовать о факте преследо-

вания подсудимым потерпевших и что в этой ситуации допустим иной вывод: пятна крови оставлены при других обстоятельствах.

Приговор, вынесенный по данному делу, был отменен, так как Кассационная палата Верховного Суда РФ посчитала, что председательствующий в своем напутственном слове нарушил принцип объективности».

С другой стороны, есть ряд определений ВС РФ, где отказ судьи от такой корректировки признан нарушением УПК, влекущим отмену приговора:

«Из протокола судебного заседания следует, что адвокат в защиту Сурина в своей речи намеренно исказил доказательства, признанные судом допустимыми.

В частности, он обратил внимание присяжных заседателей на наличие отверстий в резинке рогатки, обнаруженной при осмотре места происшествия в 20 см от головы трупа Цвеленовой Н., ставя под сомнение принадлежность рогатки Сурину, пояснив, что на его рогатке отверстий не было.

Между тем отверстия в резинке рогатки, на которые обратил внимание адвокат, были сделаны экспертом при исследовании этого вещественного доказательства. Однако председательствующий не остановил адвоката и в напутственном слове в нарушение требований п. 5 ч. 3 ст. 340 УПК РФ не разъяснил присяжным заседателям, что они сами должны решить, принадлежала ли обнаруженная на месте преступления рогатка Сурину, с учетом того, что она подвергалась экспертному исследованию, от этого и образовались отверстия.

Кроме того, адвокат обвиняемого неверно изложил показания эксперта П. и свидетеля Сидорова, сказав, что первый «рискнул» предположить возможность образования повреждений на лице потерпевшей от воздействия рогатки, а, по словам второго, рогатки были и у других жителей деревни.

Из протокола судебного заседания видно, что ни эксперт П., ни свидетель Сидоров таких показаний не давали, но председательствующий никак не прореагировал на искажение адвокатом исследованных с участием присяжных заседателей доказательств и не разъяснил им этого в напутственном слове.

С учетом изложенного доводы кассационного представления и кассационной жалобы о том, что при рассмотрении дела судом допущены нарушения норм уголовно-процессуального закона, обоснованны и поэтому оправдательный приговор суда присяжных не может быть признан законным и подлежит отмене».

В каких же случаях допустима корректировка председательствующим позиций сторон и допустима ли она вообще?

Представляется, что, прежде всего, необходимо различать случаи искажения сторонами содержания доказательств и обстоятельств дела и случаи их интерпретации, обусловленной позицией по делу. Во второй ситуации, на наш взгляд, никакая корректировка недопустима, ведь каждая из сторон толкует доказательства и факты дела, исходя из собственной позиции, и нередко это толкование кардинально различается. Какая из сторон «исказила» действительность — решат присяжные своим вердиктом, ради чего они, собственно, и призваны осуществлять правосудие.

Если же председательствующий начинает в такой ситуации корректировать позицию одной из сторон, он неизбежно оказывает содействие другой стороне судебного разбирательства. Такая корректировка, по сути, представляет собой высказывание председательствующим собственного мнения присяжным заседателям о несостоятельности фактического или юридического аспектов позиции стороны обвинения или защиты.

М.В. Немытина

МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ, ТОЖДЕСТВЕННАЯ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (НА ПРИМЕРЕ С УЧАСТИЕМ СУДА ПРИСЯЖНЫХ)

Достижения уголовно-процессуальной науки не могут стать достоянием правоприменительной практики без посредства образования. Именно образование служит трансляционным механизмом, с помощью которого научные знания, регламентированные в законодательстве принципы, институты и нормы претворяются в жизнь, становясь реальностью.